

Владимир ШЛЯПЕНТОХ

Письмо в редакцию^{1*}

Яркая и бескомпромиссная статья Л.Гудкова "К проблеме негативной идентификации"^{2*} очень интересна, на мой взгляд, по двум причинам, поскольку в ней: во-первых, отражена интенсивная идеологическая борьба, идущая в российском обществе; во-вторых, воспроизведены в известной степени методологические принципы, которыми руководствуется в своем анализе российской действительности один из самых видных и очень часто публикующихся социологов в России (их разделяет среди других и Борис Дубин, частый соавтор Льва Гудкова).

В прошлом элиты в случае поражения (полного или частичного) их "проектов" стремились рационализировать свою неудачу и искали виновных, исключая из этого ряда самих себя (как правило, но не всегда). В истории России XX в. элиты систематически предлагали разные объяснения своих неудач. В эмиграции этим страстно занимались и разные ветви дореволюционного господствующего класса, свергнутого большевистской революцией, и "ленинская гвардия" вместе с частью революционной интеллигенции, с ужасом наблюдавшей в 20-е и ранние 30-е годы за формированием сталинского тоталитарного государства, в России — "либеральная элита" 60-70-х годов и, конечно, номенклатура после своего постыдного поражения в 1989-1991 гг.

Л.Гудков, с моей точки зрения, является одним из самых заметных и последовательных теоретиков российских либералов 90-х годов, ищущих объяснение своего исторического поражения, которое надолго определит судьбу России. Автор отказывается видеть какие-либо грехи в российской либеральной элите. Он прямо отвергает и даже высмеивает "утверждения, что реформы делались начальством под свои интересы и что инициаторы реформ — Е.Гайдар и его команда — плохи" (с. 37).

Характерна в этом отношении позиция автора по отношению к коррупции в России. И население страны^{3*}, и многие западные, и некоторые российские исследователи считают, что именно глубокая коррумпированность российской политической, экономической и даже культурной элиты является одной из главных (если не главной) причиной краха либеральных реформ в России — мнение, которое разделяет и автор данной статьи^{4*}. Л.Гудков реши-

1* Я хочу выразить благодарность главному редактору "Мониторинга", чрезвычайно интересного издания, каждый номер которого я жду почти с таким же нетерпением, как "Новый Мир" в 60-е годы, за то, что он предложил мне высказать свое мнение о статье Льва Гудкова, зная мое к ней критическое отношение. Такая позиция журнала далеко не типична для научных периодических изданий в самых демократических обществах. В США, например, руководство научных журналов по социальным наукам, как правило, не только не поощряет критику того, что оно опубликовало в своем издании, но и часто прямо отвергает статьи, которые могут подвергнуть сомнению ценность того, что появилось на его страницах.

2* Гудков Л. К проблеме негативной идентификации // Мониторинг общественного мнения... 2000. № 5. С. 35-44.

3* См. опубликованную в том же номере, что и статья Л.Гудкова, статью Юрия Левады, в которой приводятся обширные данные о взглядах населения страны на коррупцию. Левада Ю. Человек в коррумпированном пространстве // Мониторинг общественного мнения... 2000. № 5. С. 7-14.

4* Можно сослаться, например, на только что вышедшую книгу Питера Редуэя (одного из самых уважаемых экспертов по России в США) вместе с Дмитрием Глинским: *Reddaway P., Glinski D. The Tragedy of Russia's Reforms: Market-Bolshevism Against Democracy*. Wash. (D.C.): United States Institute of Peace, 2001.

тельно не согласен с этой позицией. Он убежденно считает, что "вера во всеобщую коррумпированность, продажность государственных чиновников, судей, милиции", а также в преступное происхождение состояний в России — миф, придуманный народными массами, чтобы не замечать "собственное такое же воровство, халтуру, насилие, скотство". Л.Гудков не отрицает "взятничества и традиционно казенного произвола", но отказывается считать, что эти явления приобрели наибольшие масштабы в постсоветский период.

Более того, в своей защите всех обвиняемых российским общественным мнением в коррупции он утверждает, что "при фактических обстоятельствах" "те или иные махинации и злоупотребления" нельзя считать коррупцией или махинациями в западном формально-правовом смысле, ибо без них ни один сектор российского общества не смог бы функционировать" (с. 44). (По сути, он буквально повторяет известные слова Бориса Березовского.) Сильно сомневаюсь, что эта логика может помочь контактам Павла Бородин с американским судьей Виктором Погорельским или швейцарским следователем Бертраном Бертоса, я хочу подчеркнуть, что своим отношением к коррупции Лев Гудков представляет, как мне кажется, большую часть либеральной элиты, которая в последние годы в своих выступлениях полностью игнорирует эту проблему, как имеющую мало-мальски серьезное значение для России. Так, у Егора Гайдара в его недавней сравнительно большой статье, посвященной анализу российского общества, не нашлось для нее ни одной строчки^{1*}. Аналогично ведут себя в последние годы и другие политические и культурные деятели из числа либералов, которые яростно протестовали против ареста Бородина^{2*}.

Отвергая себя в качестве подозреваемого, либеральная элита выдвинула после 1996 г. двух кандидатов на виновных — Запад и российский народ. Л.Гудков с презрением, заслуживающим только уважения, отбрасывает первую версию — Запад и зарубежных врагов, которые "обворовали Россию", как причину российских проблем (с. 37), версию, которую в разных вариантах разделяет немало либералов, нынешних и старых^{3*}. Главным виновником в неудачах Л.Гудков считает российское население, которое со своими культурными традициями, со своей "негативной идентификацией", с отказом от "достижений", "успехов", с "сопротивлением... происходящим переменам", с "нежеланием что-либо радикально менять (в том числе и жить лучше, но иначе, чем до сих пор)", сделало прогресс в стране невозможным (с. 37).

И в выборе виновника российских проблем Л.Гудков репрезентирует значительную часть российских либералов, но не только их. Правда, почти никто из них, если не считать знаменитого интервью Альфреда Коха в Америке^{4*}, так

1* Об этом демонстративном игнорировании коррупции российской элитой см.: *Шляпентох В.* Уникальность Путина в российской истории // Общая газета. 2001. 12 янв., а также мою статью об отношении к неравенству российской элиты: *Shlyapentokh V.* Social Inequality in Post Communist Russia: The Attitudes of the Political Elite and the Masses (1991-1998) // *Europe-Asia Studies*. 1999. Vol. 51. N 7.

2* Олег Табаков и Галина Волчек, выдающиеся представители российской культурной элиты, немедленно после ареста Бородина обратились к российскому президенту с горячей просьбой выпустить его из Бруклинской тюрьмы, чтобы он мог "выполнять свою важную работу по сближению России и Белоруссии" (Комсомольская правда. 2001. 25 янв.).

3* См., например, материалы круглого стола в Институте философии в Москве: Независимая газета. 2000. 27 сент.

4* См. текст этого ставшего знаменитым интервью: Новая газета. 1998. 3 нояб.

четко, подробно и последовательно не описывает россиян как малосимпатичный народ, как наш автор, который вряд ли, учитывая "политическую корректность", мог бы опубликовать эту статью в Америке. Близок по открытости к автору Глеб Павловский, который описывает российские массы как "плебеев" и утверждает, что с хорошими "избирательными технологиями" можно заставить их выбрать кого угодно на любую выборную должность в стране^{1*}. Другие либералы, такие, как Алексей Улюкаев^{2*}, Анатолий Чубайс^{3*}, Виктор Лошаков^{4*}, не были столь красноречивы, но и их публичные замечания не оставляют сомнений в том, что они солидарны с анализом поведения и сознания российского населения, данным Л.Гудковым^{5*}. Можно только догадываться, как много преуспевающих российских граждан называют, как это делает мелкий олигарх в новом фильме Лунгина "Свадьба", своих соплеменников "быдлом".

Однако не менее интересно и то, что очень близкие взгляды на русский народ высказывают и самые яростные идеологические противники Л.Гудкова — коммунисты и националисты. Они тоже, как и либералы, ищут в народе виновника фиаско их собственных "проектов" и объясняют отсутствие массовой поддержки их программ "деморализацией русских". Известный и рафинированный теоретик коммунистических взглядов Сергей Кара-Мурза пишет о "психическом срыве" русского народа, о том, что его соотечественники потеряли способность к рациональному видению мира и даже "потеряли биологический инстинкт самосохранения"^{6*}. Валентин Распутин, известнейший автор и националист, пишет о том, что "русской нации больше нет", что "она дегенерировалась, превратилась в массу алкоголиков, безвольных и неспособных ни на что человеческих существ"^{7*}.

Поразительно, что ни Л.Гудков, ни другие авторы, солидарные с ним, не дают сравнительных характеристик своего видения русских с тем, как выглядят другие народы в их собственном сознании, а также как их видят другие. Между тем негативные самооценки и внешние оценки типичны почти для всех наций. Даже американцы, как будто бы склонные к высокой самооценке, особенно когда они имеют дело с иностранцами, бесконечно интенсивно занимаются мазохизмом и в лице многочисленных своих вполне солидных социальных критиков описывают моральную деградацию нации^{8*}. Вообще-то говоря, без сравнения с другими народами, все иеремиады о собственном народе, даже если негатив-

* Павловский Г. Консультации в шоколаде // Московский комсомолец. 2000. 9 июня; Он же. Журналистские инсценировки // Русский журнал. Интернет. 2000. 2 апр.

2* Улюкаев А. Не слушали Гайдара — получили кризис // Известия. 1998. 21 авг.

3* См.: Новая газета. 1997. 11 нояб.; Независимая газета. 1997. 6 нояб.

4* Московские новости. 1998. 2 авг.

5* Гайдар Е. Революция осталась в 20 веке, реформы продолжают в 21 // Известия. 2001. 7 янв. О взглядах российской либеральной элиты на социальное неравенство см. статью: *Shlyapentokh V.* Op. cit.

6* Кара-Мурза С. Отключение смысла // Завтра. 2000. 13 июня.

7* Советская Россия. 1998. 26 апр. Примерно в таком апокалиптическом духе высказывается о русском народе другой известный писатель и националист Леонид Бородин: Правда. 1998. 7 февр.

8* См., например, одну из многих недавних американских публикаций на эту тему — книгу Гертруды Гиммельфарб, переполненную lamentациями о моральном регрессе в США: *Himmelfarb G.* One Nation, Two Cultures. N.Y.: A.A.Knopf, 1999.

ные черты хорошо эмпирически обоснованы, столь же сомнительны, как и заявления отдельных граждан, что их супруги, дети, соседи или начальники являются уникальными монстрами. Ни в коем случае я не хочу сказать, что проблемы, с которыми сталкиваются русские или другие народы, имеют одинаково драматический характер, однако никакая научная оценка в этом, как и в любом другом исследовании национальных проблем, невозможна без проведения сравнительного анализа.

Однако, как я попытаюсь показать, негативные характеристики российского народа в том виде, как их описывает Л.Гудков, не имеют эмпирического обоснования даже сами по себе.

По сути, исследовательский проект автора может быть описан как изучение трех переменных: зависимая переменная — отказ от достижений, от перемен, от улучшения своей жизни; промежуточная переменная — "негативная идентификация"; независимая переменная — русская культура, включающая советские традиции.

Я попробую показать, что Л.Гудкову не удалось обосновать общепринятыми в социальной науке методами свою позицию ни по одной из трех переменных.

Начнем с зависимой переменной. Ведущий тезис автора состоит в том, что россияне лишены "достижительской мотивации", столь "культивируемой в западной культуре", что им присуще "снижение планки запросов и требований к себе", "неспособность... повторить достижения других". Это культурная особенность населения с "импринтигом неудачника" типична как для современного россиянина, так и для его предшественника — "совка". Анализ "потребностей в достижениях", если использовать термин, введенный Давидом Макклиландом в 1961 г., требует весьма тонкой исследовательской техники*. Л.Гудков не приводит в качестве доказательства этого фундаментального положения своего текста никаких, даже "грубых" эмпирических данных.

Между тем даже в брежневские застойные времена, не говоря уже о предшествующих периодах советской истории, социальная мобильность и, следовательно, ориентация на достижения была весьма высокой и, согласно данным Шубкина, большая часть молодежи в 60-70-е годы была ориентирована на самые престижные и высокооплачиваемые профессии в стране (наука, искусство, партийный и государственный аппарат, армия, высшие командные должности в промышленности и т.д.).

Более того, даже в постсоветское время россияне, и прежде всего молодые и образованные, приспособившись к новым условиям жизни, были полны всевозможных устремлений. Достаточно указать стремление огромного числа молодых россиян, несмотря на чудовищные препятствия, заняться бизнесом, а также на рост престижа образования в стране, на возросшие конкурсы в вузы, стремление учиться на Западе, что весьма трудно, и работать там долгое время, и даже жить там постоянно, что, опять-таки, не просто.

Данные о престижности профессий в постсоветской России свидетельствуют о том, что люди предпочитают те из них, которые в настоящих условиях обещают и высокий доход вместо "пайки", и высокий престиж.

* Пик интереса к "потребности в достижениях" и методам ее изучения приходится на Западе на 60-70 годы. Однако этой теме по-прежнему посвящается немало публикаций, приведем одну из последних книг: *Boggiano A.K., Pittman T.S.* Achievement and Motivation: a Social-developmental Perspective. Cambridge [England] N.Y.: Cambridge University Press, 1992.

Иерархия престижа различных профессий точно отражает их объективные характеристики в российском обществе — доход и социальный статус. В то время как Л.Гудков пишет о "подавленности всяких мотиваций достижения", согласно данным опроса Независимого института исследований социальных и национальных проблем (март 2000 г.), почти 80% россиян приписывают себе как раз мотив "достижений", даже больше, чем немцы.

Или возьмем другой компонент поведения, который автор находит у россиян — их "склонность к скандалам". Он обосновывает ее только цитатой из письма Ольги Фрейденберг своему кузену Пастернаку. При всем нашем уважении к великому поэту и его родственнице невозможно этот текст признать серьезным аргументом в пользу выдвигаемого тезиса. Даже если он кажется кому-то правдоподобным (с. 40).

Центральной методологической ошибкой Л.Гудкова является его удивительный, немыслимый для современной западной социологической литературы отказ от структурного анализа общества. В своих исследованиях он все время оперирует таким понятием, как "население страны", почти не выделяя никаких социальных групп, если не считать презрительного упоминания "советской интеллигенции".

Между тем ВЦИОМ постоянно прибегает в своих таблицах, а также в публикуемых статьях в "Мониторинге" к различным социально-демографическим группам, например, важное значение придается различиям отдельных образовательных групп. Если бы Л.Гудков выделил такие сегменты общества, как быстро растущий люмпенизированный (или "деклассированный", в западной терминологии) слой населения, у которого, по определению, "потребность к достижению" ограничивается ежедневным добыванием выпивки, а также большой криминальный сектор и особенно коррумпированную и глубоко аморальную, по мнению автора этих заметок, политическую и экономическую элиты, совсем не лишённые, однако, больших притязаний, тогда бы жесткий анализ Л.Гудкова, если бы он, конечно, опирался на эмпирический материал, приобрел бы гораздо больший смысл.

Негативная идентификация. Эмпирическая база для второй, промежуточной, переменной также весьма ненадежна. По сути, ни один из ее многочисленных компонентов не обоснован автором.

Возьмем, например, такие понятия, применяемые им, как "разнообразные комплексы неполноценности" (с. 37), "зависть и агрессивность" (с. 40), "вечная русская тоска и мечтательность" или утверждение автора, что для россиянина "любой партнер... воспринимается заведомо неполноценным, негативным, что у него враждебное отношение к чужим и т.д." (с. 39), что он живет "в панцире базового недоверия к реальности", что он не способен даже "наслаждаться жизнью", но склонен к "циническим жестам и ненормативным действиям" (с. 41). Автор не приводит абсолютно никакой эмпирики для подтверждения этих важнейших тезисов, составляющих основу его статьи. Читатель статьи откажется принять к сведению утверждение автора, если бы оно последовало, что необходимые данные где-то были опубликованы, хотя бы уже потому, что он на них нигде не ссылается, а в науке даже самые уважаемые лица не рассчитывают на такого рода "доверие".

К сожалению, у Л.Гудкова не больше оснований защищать эти свои утверждения о базовых характеристиках русского народа, чем у его идейных противников — русских националистов — оперировать "русской соборнос-

тью" или "духовным превосходством русских над западными народами", что он сам, и не без основания, квалифицирует как мифы (с. 40).

Но Л.Гудков не останавливается в своем описании российской психологии на таких сравнительно простых категориях, как "зависть" или "склонность к скандалам". Он идет гораздо дальше, формируя сложнейшие конструкции, претендующие на отражение многослойных причинно-следственных связей. Приведем пример: Л.Гудков приписывает среднему россиянину, о культурном уровне которого он, как видно из всего текста статьи, весьма скромного мнения, поразительно тонкие интеллектуальные рефлексивные процессы, словно он герой Пруста или Джойса. Действительно, вот как автор описывает "работу идентификационных механизмов", которые, по его утверждению, и создают в сознании российского населения "негативную идентификацию" — один из главных феноменов российской жизни, по Л.Гудкову. Деятельность этих механизмов, как пишет автор, "сводится к квалификации или оцениванию ставших проблематичными, неопределенными или неизвестными фактами обстоятельств жизни или конкретной ситуации, т.е. соотношения их с некоторыми идеальными представлениями, задающими образ должного и желаемого, возможного или бывшего в далеком прошлом поведения" (с. 36).

Или вот другой пример конструкции, перед которой явно пасует метод фальсификации, настолько все понятия здесь нерациональны: «Оно (государство) представляет собой институционально закрепленные механизмы понижения качества (видимо, человека. — В.Ш.) до "приемлемого уровня" (который заведомо полагается как посредственно-плохой, точнее, предельно допустимый по своему качеству, едва терпимый, а значит, такой, какой может быть у всех)» (с. 40).

Вместо реального эмпирического анализа Л.Гудков упоминает "процедуры шкал социальных дистанций или схожих методик", а затем добавляет с некоторой интеллектуальной небрежностью, что, «благодаря подобным техникам, мы получаем возможность представлять структуру идентификации чем-то вроде набора ролевых и позиционных "паспорту" или системы зеркал (включая кривые и лгстятские зрительно), так что смотрящий в них может найти наиболее эффективное для себя изображение» (с. 36). Увы, кроме этих исследовательских интенций, которые как бы должны заменить реальные данные, мы не находим данных для описания искомой "структуры идентификации".

Независимые переменные. Однако еще более важным для оценки выводов Л.Гудкова о российском населении является выбор им независимых переменных, объясняющих те или иные негативные качества россиян. Таковыми, у него главным образом являются русская культура и особенно советское культурное прошлое с разнообразными стандартами поведения. Л.Гудков в своем анализе решительно отказывается использовать в качестве независимой переменной "объективные условия жизни населения". Он также практически не упоминает механизм адаптации человека к меняющимся условиям жизни, проблему, находящуюся постоянно в центре внимания всей научной общественности России, включая специалистов ВЦИОМ*.

* См., например, статью: *Левада Ю.* Человек приспособленный // *Левада Ю.* От мнений к пониманию. М.: МШПИ, 2000.

Эти переменные, столь важные в традиционном анализе социальных процессов, являются непременными компонентами в исследовании общественного сознания большинством серьезных российских и американских социологов, которые постоянно используют в качестве независимых переменных "грубые" факторы материальной жизни (уровень зарплаты, уровень безработицы, инфляцию, охват населения страхованием, деятельность системы государственной помощи бедным и безработным, стоимость домов и т.д), почти как вульгарные марксисты, которые, как иронизировал В.Маяковский, полагали, что "еда и питье определяют сознание". Можно только догадываться, почему автор полностью игнорирует "объективные условия жизни".

Объясняя причину "коллективного астенического синдрома" (очень популярный термин в статьях "Мониторинга") в России, высокую долю (51%) тех, кто испытывает напряжение, раздражение... страх, тоску, а также низкую удовлетворенность жизнью ("не удовлетворен" — 56%) за последние годы, Л.Гудков решительно отказывается связывать эти феномены с "низким материальным уровнем жизни в коммунистических странах, неудачей реформ" (с. 37). Для него главной независимой переменной и выступает как раз "негативная идентификация", корни которой уходят в глубины национальной психологии, в советскую пропаганду, продолжающую влиять на умы россиян (с. 40-41). Он предлагает "снять часто встречаемое мнение, что подобные настроения появились только после распада СССР и гайдаровских реформ". Неудивительно, что с таким представлением о российской национальной психологии автор не видит различия между "человеком советским" и постсоветским индивидуумом (с. 38-39).

Свой отказ от использования объективных условий существования как независимой переменной и вытекающее отсюда утверждение об инвариантности психологии россиянина, при любом строе пораженного "коллективным астеническим синдромом", вечно недовольного жизнью, вечно ждущего "общепринятую пайку" от "государственно-распределительной системы", вечно жалующегося на то, что ему "не додали", вечно живущего с "обязательным опытом неудачи", автор, по сути, ничем не обосновывает. Он, правда, делает попытку выявить некоторую общность между данными опроса января 1991 г. и 2000 г., словно эти даты отражают две разные эпохи. Однако это сравнение, мягко говоря, хромает, ибо "материальные условия жизни" в оба сравниваемых периода были уже близки друг к другу, так как в 1990-1991 гг. советская экономика уже была почти полностью развалена неудачными реформами М.Горбачева. А вот сравнение настроений россиян в "чисто советский период", т.е. до 1985 г., автор не приводит.

Между тем, как свидетельствуют многочисленные социологические данные, включая известное сравнительное советско-американское исследование "Псков—Джексон", степень удовлетворенности советских людей, несмотря на их недовольство многими сторонами жизни (очередями и местной бюрократией в первую очередь), была весьма высокой, включая удовлетворенность заработной платой, обеспеченностью предметами длительного пользования, отдыхом, медициной, образованием, даже жилищными условиями. Например, не более 10–15% россиян, как показывали многочисленные исследования текучести рабочей силы в 1970-1980 гг., в частности, проведенные новосибирскими социологами, жаловались на то, что им "не додали". Все эти данные, характеризующие оценку населением

отдельных сторон своей жизни, хорошо согласуются с результатами общенационального опроса населения страны в 1976 г. (одним из руководителей которого был автор этих критических заметок), согласно которому население качество своей жизни по пятибалльной шкале оценило на 4, пропустив вперед ГДР и оставив позади Китай.

Можно полагать, особенно имея в виду ранние публикации Л.Гудкова, что такой фокус на единой интегрирующей национальной культуре, как практически единственной переменной, определяющей поведение и сознание человека, объясняется влиянием "большой теории" Парсонса, такой, какой она сформировалась примерно в 1930-1960 гг., и до того, как она была подвергнута критике с разных сторон. Влияние этой теории четко просматривается в статье Л.Гудкова с его акцентом на социально-психологические механизмы регулирования общества, в частности, на идентификации, позитивной или негативной, и с его поразительным игнорированием роли государственно-правовых институтов в поддержании порядка "сверху" в обществе (см., в частности, с. 35-36). По мнению Л.Гудкова, например, в процессе разложения тоталитарного общества легитимизация "центральных социальных институтов", селекция и подбор кадров, "непомерное влияние генералитета и спецслужб" есть результат "негативной идентификации" всего общества (с. 37). С влиянием этой теории можно также связать отказ от включения в анализ специальной роли элит, групповых ценностей, которые часто гораздо сильнее общенациональных, и особенно отказ от учета способности человека приспосабливаться к новой ситуации вопреки "старой" культуре, национальной и групповой.

В целом "негативная идентификация" выглядит для меня как "красивый" артефакт, изготовленный изошренным и очень образованным автором. Поклонники постмодернизма наверняка возразят мне, что деление на "реальность" и "артефакты" (или "виртуальность", если использовать любимый московский термин) давно устарело. Я не думаю, что любящие науку люди (а Лев Гудков наверняка к ним относится) согласятся, что таким образом можно обосновать отказ от жестких требований эмпирической, не побоюсь сказать — позитивистской, методологии при исследовании социальных процессов, особенно таких сложных, какие мы сейчас наблюдаем в России.

Лев ГУДКОВ

Реплика

Я весьма признателен Владимиру Шляпентоху за высокую оценку, данную нашему журналу, постоянное внимание, проявляемое им к статьям и материалам, публикуемым в "Мониторинге". Мне представляется, что критический анализ нашей общей работы (а это, при всех индивидуальных различиях, тематических интересах, особенностях интерпретации и понимания поднимаемой нами проблематики, именно *общая* работа, начатая еще "Рабочей группой ВЦИОМ") крайне необходим и важен. В отечественной социологии, как и во всех других гуманитарных науках в России, всегда ощущался острый дефицит внутринаучных дискуссий. Здесь никогда не было настоящей культуры теоретико-методологической критики, без которой невозможен сам процесс развития дисциплины и аккумуляции знания. Поэтому любой разбор